ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЕЕ ДРУЗЬЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ ШКОЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК: 330.88
DOI: 10.5281/zenodo.15497318 https://zenodo.org/record/15497318

ДОСТОСЛАВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ*

Алиев Урак Жолмурзаевич[1]
Доктор экономических наук, вице-президент Образовательной корпорации «Туран», Астана, Казахстан (aliyevu@mail.ru)

Ключевые слова: *эволюция политической экономии, теория становления, концепция «теоретической экономии»*

Для цитирования: Алиев У.Ж. Достославная политическая экономия: эволюция дисциплинарной формы организации (репубикация) // Вопросы политической экономии. 2025. № 2(42). С. 114-127.

GLORIOUS POLITICAL ECONOMY: THE EVOLUTION OF A DISCIPLINARY FORM OF ORGANIZATION

Urak Z. Aliyev
Doctor of Economics, Vice President of the Educational Corporation "Turan", Astana, Kazakhstan (aliyevu@mail.ru)

Keywords: *evolution of political economy, theory of formation, concept of "theoretical economy"*

For citation: Aliyev U.Z. Glorious Political Economy: the Evolution of a Disciplinary form of Organization (republication). Problems in Political Economy. 2025;2(42):114-127.

JEL codes: B41

«Всякий, кто ищет утешения после потери любимого предмета, уже более чем наполовину утешен», – говорила когда-то Мария д'Арконвиль, французская писательница (1720–1805). Так вот, политэкономы, однажды (после распада СССР) потеряв свой «любимый предмет» – политическую экономию как науку, научную и учебную дисциплину и, соответственно, как наименование кафедры, теперь зано-

* Статья была впервые опубликована в журнале «Вопросы политической экономии» в 2014 г.: Алиев У.Ж. Достославная политическая экономия: эволюция дисциплинарной формы организации // Вопросы политической экономии. 2014. № 3.

[1] © Алиев У.Ж., 2025

во всерьез занимаясь ее поиском, почти «наполовину утешены»[2]. Это уже неплохо. Но насколько наши представления о любимом предмете – политической экономии и ее предметной определенности адекватно сформированы и сформулированы как в нашей голове, так и печатных изданиях прошлого и современности? Ответ на этот стержневой вопрос предполагает самоосмысление политической экономии через призму ее эволюции как дисциплинарной формы организации теоретико-экономического знания и, по возможности, самоутверждения в своей общепринятой либо какой-то иной дисциплинарной форме. Методологической основой самоосмысления и самоутверждения политической экономии как науки (научной дисциплины) выступает, как я полагаю, философская теория (принцип) становления любого объекта (предмета): абстрактные предпосылки становления объекта; действительные предпосылки становления объекта; сам процесс становления объекта; объект как ставшее явление на его (своих) собственных основах. Отсюда вытекает ряд производных вопросов:

1. Каковы абстрактные предпосылки становления политической экономии как науки на собственных основах?

2. Каковы действительные предпосылки становления политической экономии как науки на ее собственных основах?

3. Каким образом происходил (и происходит) сам процесс становления политической экономии как науки на ее собственных основах?

4. Какова общетеоретическая природа (картина) предполагаемой самоутверждаемой, а в идеале – самоутвержденной политической экономии как науки в качестве «ставшего объекта» (предмета) на своих собственных основах?

А. Абстрактные предпосылки становления политической экономии как науки на собственных основах. Классическим «прародителем» политической экономии является, безусловно, древнегреческий «Symposium Oeconomicus» (кратко «Экономика») Ксенофонта Афинского. Исходя из конкретно-исторических условий формирования науки экономики, в учениях древних греков в неявной форме обозначен ее предмет – сфера (отношения) потребления. Следующим весьма важным этапом становления политической экономии является Chrematisticus («Хрематистика») Аристотеля Стагирита – искусство накопления «капитала», «искусство наживать состояние», «искусство делать деньги» (Аристотель, 1983, с. 54-63, 150-159, 239-243, 375-644, 695-696, 718-722, 740-741). История, однако, распорядилась по- своему – хрематистика «поглотила» экономику содержательно, а экономика хрематистику – формально. Термин «хрематистика» не прижился, а «экономика» остался, но с содержанием преимущественно «хрематистики», т.е. «экономика» дала будущей науке свое имя – название, тогда как «хрематистика» – свое содержание. Следующим важным (хотя не очень замеченным) этапом становления политической экономии является так называемая «социальная физика» (теория общественных изменений) Ибн-Хальдуна (1332–1406 гг.)[3]. Он в основу своей научной концепции социальных изменений положил объективно обусловленную необходимость совместного добывания людьми средств к существованию, т.е.

[2] Хотя, к чести отдельных политэкономов, которые никогда, ни при каких обстоятельствах не теряли и не забывали свой предмет, – публикуя научные статьи, книги, защищая диссертации, издавая журналы, организуя различные научные форумы по проблемам политической (теоретической) экономии, создавая Международную политэкономическую ассоциацию (МПЭА).

[3] В XIX веке идею «социальной физики» обнародовал Л.А. Кетле в своей работе (Кетле, 1866).

хозяйственную деятельность людей, которая проходит различные этапы: дикость (тавахху ш), примитивность (бидава), цивилизацию (хидара).

Определенную роль в становлении политической экономии сыграла камералистика, или камеральные науки (от позднелат. camera – казна) – свод административных, экономических, счетоводческих, финансовых, управленческих дисциплин, преподававшихся в XVII-XIX веках в западноевропейских университетах и отчасти в России.

Таковы вкратце истоки политической экономии, рассматриваемые в качестве абстрактных предпосылок ее становления. Краткое резюме по этой части: подлинная роль «домостроя», «социальной физики» и отчасти «камералистики» в формировании теории экономики как с точки зрения ее перспектив развития, так и в процессе ее преподавания все еще недостаточно раскрыта и продемонстрирована.

Б. Действительные предпосылки становления политической экономии как науки на собственных основах. Этот этап формально связан с появлением самого термина «политическая экономия», имеющая почти четырехсотлетнюю историю (Антуань Монкретьен, 1615 г.[4]).

А содержательно этот этап состоит из двух подэтапов (периодов) и направлений:

– первый связан с так называемой «меркантилистской» (торговой) школой т.е. «политэкономией обращения», предметом которой выступала сфера (отношения) обмена;

– второй связан с «физиократической школой», обращавшей свои взоры к сфере производства, хотя узкопонимаемой лишь аграрному производству.

Эти две «школы» являются, своего рода, переходным этапом от действительных предпосылок к самому процессу становления политической экономии на своей собственной основе.

В. Сам процесс становления политической экономии как науки. Этот этап связан, безусловно, с классической (смитианской) буржуазной политэкономией. Далее, сама классическая школа разделилась на два направления:

– смитианско-рикардианская политэкономия как развитие «сущностных» («сильных» с позиции марксизма) сторон учения Смита, предметом которой являлась сфера (отношения) распределения доходов (Данная смитианско-рикардианская линия в политэкономии ставила своей задачей исследовать «внутренние невидимые связи» в экономических явлениях и процессах. Это направление позже стало именоваться «классической политической экономией», которая в большом почете среди экономистов теоретиков марксистского (ортодоксального, умеренного, неомарксистского) толка всего мира);

– смитианско-сэя-мальтусовская, т.е. так называемая «вульгарная» политэкономия как развитие «явленческих» («слабых» с позиции марксизма) сторон одного и того же учения Смита, которая ставила задачу изучать «внешне проявляющиеся связи» в экономических явлениях и процессах. Позже данное направление получило название «каталлактика», а затем – «экономикс».

Итак, несколько упрощая, можно сказать, что «Oeconomicus-Chrematisticus» Ксенофонта Аристотеля в синкретическо-эмбриональном виде вобрал в себя ос-

[4] Хотя по данным профессора Л.Д. Широкорада, термин «политическая экономия» впервые появился не в 1615 г., как принято считать, а в 1604 г.

новы всей системы современного экономического знания, в том числе и теоретического, наряду с прикладными его компонентами. «Political economy» создала собственно теоретическую научную систему экономического знания в условиях, набиравших силу в то время частнокапиталистических рыночных отношений и в последующем тенденции дифференциации науки как таковой и экономической науки, в частности. Другими словами, «экономика» древности и средневековья есть синкретический (нерасчлененный), «политическая экономия» недавнего прошлого – собственно дисциплинарный (расчлененный), этапы развития того же экономического, точнее, теоретико-экономического знания. Они же (в разных вариациях) одновременно являлись когда-то и являются в настоящее время кое-где как по наименованию, так и по содержанию формами организации процесса воспроизводства экономического знания вообще, в том числе и организации образовательного процесса по экономическим специальностям в учебных заведениях.

И вот еще. На сегодняшний день, когда еще налицо (явное и неявное) противостояние «западной политэкономии» (экономикс) и марксистской политэкономии, нельзя сказать, что третий этап – сам процесс становления политической экономии завершен. Иначе говоря, этот этап еще не перешел в заключительный, четвертый, этап теории становления объекта как ставшее явление, в данном случае – политической экономии как вполне ставшей на собственные основания науки. Последнее связано с рядом серьезных обстоятельств.

Дело в том, что на рубеже третьего тысячелетия в силу ряда факторов в стане этих наук, взятых как научная и учебная дисциплина, происходило нечто такое, что можно обозначить одним, на первый взгляд, грозным словом «кризис» – объективно обусловленное состояние любой науки по цепи «нормальная наука – аномалия в науке – кризис в науке – научная революция на основе новой парадигмы – нормальная наука» (по Т. Куну). Но все же есть ли веская причина для беспокойства нашему сообществу по перу и деятельности по поводу своего теоретико-экономического хозяйства?

Думается, есть. При этом повод особый, повод уникальный в своем роде. Дело в том, что современная мировая экономическая наука, несмотря на некоторые видимые успехи в отдельных ее областях и ежегодное присуждение Нобелевской премии по экономике (кстати, стало традицией присуждать ее психологам, а не экономистам), переживает не самое лучшие времена в своей долгой истории.

Речь идет о том, что наша наука столкнулась с кризисом трояко рода:

а) кризис самого общественного, и прежде всего социально-экономического, материала, с которым имеют дело экономические науки в качестве своего объекта исследования. Этот *онтологический* (содержательный) кризис носит объектный, т.е. по отношению к самой экономической науке экзогенный, характер и связан, главным образом, с завершением эпохи господства «двухполярного мира», глобализацией общественных отношений и трансформационными процессами в постсоциалистических (постсоветских) странах;

б) кризис, связанный с познанием и теоретическим отображением социально-экономических процессов, осуществляемых экономическими науками, т.е. *гносеологический* (познавательный) кризис науки. Последний носит в известном смысле субъектный и – по отношению к экономической науке – эндогенный характер. Он тесно связан с трудностями в описании, раскрытии, объяснении и фиксации

изучаемого ею предмета, по сути, еще зыбкого, неопределенного, непредсказуемого в системе понятий и категорий научного знания;

в) кризис, связанный с выбором из трех основных современных парадигмальных мейнстримов ценностей «западного мейнстрима» в качестве доминантной парадигмы в формировании «ценностей, стандартов и моделей» западной цивилизации и общественного сознания, т.е. *аксиологический* (ценностный) кризис. Другими словами, в этом случае речь идет о зыбкости самих ценностных основ современной системы мировой экономики вообще, системы экономического образования и знания в частности.

Эти кризисные явления получили отражение во множестве форм внешнего проявления. Перечислю ряд из них.

Во-первых, это массовое «бегство» от преподавания политэкономии в постсоциалистических (постсоветских) странах, безоглядная, по сути, научно необоснованная замена ее другими курсами (экономиксом, экономической теорией, рыночной экономикой и т.д.); такая тенденция имеется даже во Франции, где традиционно тяготели к политической экономии.

Во-вторых, прекращение подготовки кадров высшей квалификации (кандидатов и докторов наук) по шифру (специальности) «политическая экономия».

В-третьих, ликвидация «политической экономии» в качестве образовательной специальности в ведущих университетах стран СНГ.

В-четвертых, крайнее разночтение и разновосприятие того же вездесущего «экономикса» как самими его представителями, так и представителями других направлений теоретической экономической мысли.

Так, на современном этапе «экономикс» воспринимается в одном случае как «просто политэкономия», в другом – «буржуазная политэкономия», в третьем – «экономическая наука», в четвертом – «экономическая теория», в пятом – «современная западная политэкономия», в шестом – «mainstream» (основное течение), в седьмом – просто «экономика», в восьмом – множество экономик и т.д., и т.п. Именно такое, предельно неоднозначное, расплывчатое, путаное толкование термина «экономикс» порождает, по моему мнению, особую проблему, которую можно назвать «проблемой экономикс».

В-пятых, это – как своеобразная реакция на кризис в науке – появление в последнее время множества «новых экономик, в том числе тех же «экономикс», «экономическая теория», «общая экономическая теория», «институциональная экономика», «транзитная экономика», «эволюционная экономика», «поведенческая экономика», «экспериментальная экономика», «схематическая экономика», «информационная экономика», «сравнительная экономика» (компаративистика), «гиперэкономика», «фундаментальная экономика», «новая политическая экономия», «постэкономика» «физическая экономика» и т.д., и т.п.

В-шестых, реальная претензия ряда «новых» экономик (дисциплин) на роль базовой составляющей современной экономической науки; в одном случае – это экономическая теория, в другом – институциональная экономика, в третьем – общая экономическая теория, в четвертом – информационная экономика, в пятом – философия хозяйства и т.д. вместо той же политической экономии или того же экономикса.

В-седьмых, это неопределенность в том, «что же все-таки надо преподавать из теоретического арсенала научных дисциплин в качестве базовой учебной дисциплины теоретического цикла в учебных заведениях: политэкономию, экономикс, экономическую теорию или что-либо другую».

В-восьмых, это настоящий «разброд и шатание» в учебных планах, учебных программах, учебниках по теории экономики, которыми руководствуются вузы, факультеты, кафедры, т.е. отсутствие некоего минимального общеобязательного и унифицированного стандарта в преподавании этой дисциплины (по тематике, логике, структуре, содержанию, объему часов, учебной литературе и т.д.), в одном случае – для будущих специалистов по теории экономики (теоретиков-экономистов, бывших политэкономов), в другом для экономических специальностей широкого профиля, в третьем для неэкономических специальностей применительно к вузам, ссузам, школам (лицеям, гимназиям). Такая ситуация сильно тормозит формирование общего образовательного пространства с обязательной процедурой нострификации (взаимного признания) проходивших учебных дисциплин и курсов (кредитов), специальностей и дипломов.

В-девятых, это кадровая чехарда, т.е. по какой же научной специальности готовить специалистов высшей квалификации (кандидатов и докторов наук), по какой же образовательной специальности готовить специалистов типа бывших политэкономов – нынешних бакалавров, магистров, PhD, кто же в конце концов будет вести занятия по теории экономики, эту предполагаемую базовую теоретическую экономическую дисциплину; ведь в ряде стран СНГ (например, в Казахстане) в настоящее время вовсе перестали готовить теоретиков-экономистов по специальности «политическая экономия» («экономическая теория», «теоретическая экономика»). В результате ныне эту весьма сложную, фундаментальную научную и учебную дисциплину читают все, кому не лень, начиная от неэкономистов в худшем случае, а в лучшем – кончая экономистами-конкретниками. Впрочем, этот перечень форм проявлений кризиса в теоретической части экономической науки можно продолжать долго.

Каковы же пути выхода из сложившейся неопределенности в экономической науке вообще и теоретической ее составляющей в частности? Что сегодня об этом думают и могут предлагать теоретико-экономическое научное сообщество и отдельные его представители?

Другими словами, какова же судьба политической экономии впредь? Настанет ли время, когда она приобретет статус «объекта (науки, научной дисциплины) как ставшего на собственные основания явление» (по примеру ряда фундаментальных наук, научной и учебной дисциплины гуманитарного, естественнонаучного и технического направления)?

Поиск ответа на поставленные вопросы можно найти во множестве изданий последнего времени, где исследователи по-разному подходят к их решению. При этом одни (например, профессор Ю.М. Осипов) выдвигают «Философию хозяйства», а в ее рамках «Теорию хозяйства» в качестве фундаментальной основы экономического знания, другие (например, профессор В.Н. Черковец, многие представители Международной политэкономической ассоциации) призывают восстановить политическую экономию в статусе науки и учебной дисциплины, третьи (не критически мыслящие) считают вполне достаточным оставить в «покое» ту же бесхребетную (в смысле беспредметную) «экономическую теорию».

В этом ряду не исключение и автор данной статьи, который выдвигает свою собственную концепцию по обсуждаемым вопросам. Не вдаваясь в дискуссию, тезисно изложу свою позицию[5].

Г. Политическая экономия как ставшая на своих собственных основаниях наука или будущее политической экономии. Прежде всего, укажу на глубинную причину вышеназванного кризиса, взятого как в онтологическом, так и в гносеологическом плане, – это размытость предмета-оригинала в реальности и «потеря» подлинного предмета-дефиниции многими научными дисциплинами экономического цикла, в данном случае – полная предметная неопределенность теоретической составляющей современной экономической науки (в разных ее наименованиях: политэкономия, экономикс, экономическая теория). «Потеря» предмета реального в силу коренных трансформационных сдвигов и зыбкости в самом объекте исследования и предмета дефиниции – в силу его «несхваченности» и неадекватной сформулированности в научной системе теоретико- экономического знания.

Причем все это происходит на фоне обилия дефиниций предмета каждой из перечисленных выше научных дисциплин.

Так, например, автором подсчитано (методом выделений «ключевых слов» в дефинициях) более 50-ти определений (и это далеко не полный перечень) их предмета.

Иначе говоря, мы столкнулись с фактом предметной неопределенности нашей науки.

Но вначале выясним такой важный вопрос, как вопрос об адекватном терминологическом обозначении (наименовании) теоретической составляющей современной экономической науки, затем об авторском подходе (концепции) решения вышеуказанных проблем.

Когда-то в журнале «Общество и экономика» в рубрике «Письмо в редакцию» была опубликована статья «К вопросу о терминологическом обозначении экономической теории» (Шубладзе, 2000, с. 189). В ней автор в целом справедливо ставит вопрос о выборе адекватного наименования нашей науки. Внешне, казалось бы, все верно и просто, но вопрос нуждается в более серьезном анализе, так как некоторые наши коллеги, к сожалению, остаются в плену расхожего рассуждения, как и упомянутый автор статьи, т.е. по принципу «а не все ли равно, как эта наука (научная дисциплина) назовется».

Почему речь должна идти о «терминологическом обозначении экономической теории», а не «базовой теоретической составляющей» нашей науки? Ведь «экономическая теория» уже есть термин, вошедший в качестве научной и образовательной специальности в некоторых постсоветских странах. А значит, автору, ставившему вопрос о «терминологическом обозначении» уже наличного термина, а именно «экономической теории» (что само по себе тавтологично) следовало бы раскрыть, прежде всего, смысловые недостатки самого этого термина (экономическая теория) или же серьезно обосновать его преимущества по сравнению с другими альтернативными терминами: экономикой, политической экономией, экономикс, теоретической экономикой и т.д. Вместо этого он весьма поверхностно объясняет свою позицию – оставить все же «экономическую теорию» и еще лучше – «общую

[5] Заинтересованного читателя любезно отсылаю к своим монографиям (Алиев, 2001; 2004 (переиздание); 2012).

экономическую теорию» в качестве наименования той же экономической теории. Эта упрощенность (хотя, еще раз подчеркну, вопрос об адекватном наименовании, названии, терминологическом обозначении базовой теоретической составляющей всей системы экономических наук, а не вовсе экономической теории, весьма важный и принципиальный) заключается в следующем.

Следует особо напомнить, что согласно «предметоведению», т.е. общей теории предмета в системе общедисциплинарной модели науки изменение названия прежней научной дисциплины (в данном случае замена названия «политическая экономия» «экономической теорией», а иногда и «экономикс») предполагает, прежде всего, научное обоснование самого этого нового названия науки путем определения ее нового предмета или же уточнения прежнего предмета «новой» научной дисциплины. Одно из двух: либо предмет не меняется, тогда нет надобности «огород городить», то бишь изменять название прежней науки, изучавшей и изучающей этот же предмет; либо предмет меняется (видоизменяется), тогда надо фиксировать и формулировать этот «другой» предмет, который служит онтологическим основанием выбора другого, адекватного ему (новому предмету) наименования (названия, терминологического обозначения) науки (научной дисциплины), изучающей этот «иной» предмет.

Между тем вышеупомянутый автор заявляет, что «неправомерно употреблять вместо термина «экономическая теория», например, термин «теоретическая экономика». Его «аргумент»: нет надобности вводить различные термины для обозначения экономической теории и вызывать разнобой в ее интерпретации (Шубладзе, 2000, с. 189). Почему нельзя использовать указанный им термин «теоретическая экономика» вместо «экономической теории», нет у него аргументированного обоснования; автор пытается это «объяснить» лишь категорическим утверждением – «нет надобности вводить различные термины».

Но последнее его предостережение касается, прежде всего, самого защищаемого им же термина «экономическая теория», так как именно этот термин (точно так же и «общая экономическая теория») является в качестве наименования науки (научной дисциплины) самым молодым по сравнению со всеми другими терминами (политическая экономия, теоретическая экономика, экономикс), а значит, в последнюю очередь введенным в научный оборот, тем более, без всякого обоснования ее ввода вместо прежней «политэкономии». Следовательно, как по логике вещей, так и по логике самого автора (Г. Шубладзе) нельзя было вводить именно этот термин – «экономическая теория» в качестве наименования научной и образовательной специальности, научной, учебной дисциплины, а также кафедр, причем, как ошибочно он считает, все они: экономика, политэкономия, экономикс, экономическая теория и т.д. якобы «имеют одинаковую смысловую нагрузку». Вместе с тем, сам вопрос: каким же именем собственным (термином, понятием, обозначением) следует назвать базовую теоретическую составляющую современной системы экономических наук и каковы ее структура и содержание остается в силе. По существу вопроса выскажу следующее.

Когда мы оперируем понятием «теоретическая составляющая» экономической науки в целом, прежде всего следует иметь в виду наличие двух таких составляющих: базовая (фундаментальная, первичная), т.е. та, что лежит в основе, основании, и дополнительная (частная, вспомогательная, т.е. вторичная, третичная, вооб-

ще производная от первой) теоретическая составляющая. В данном же случае речь идет именно о первой теоретической составляющей – базовом теоретическом ядре системы экономических наук.

«Общая логика общего предмета» – общая логика хозяйственного развития человечества с древнейших времен до современности – предопределила и общую логику ее теоретической рефлексии в виде различных дисциплинарных форм познания и организации научного знания о хозяйственной деятельности людей с различной степенью зрелости и выраженности. И они назывались, как было указано выше, в разное время по-разному, как-то: «экономика» (economicus), «политическая экономия» (political economy), «теоретическая экономия» (theoretical economy), «экономикс» (economics), «экономическая теория» (economic theory). И все же есть основание считать, что три термина, а именно: «экономика», «политическая экономия», «теоретическая экономия» поистине являются ключевыми понятиями, лежащими в основе всей системы прошлого, современного и будущего экономического знания как такового, и в особенности теоретического его компонента.

Из них в последнее время все более употребительным и востребованным становится «теоретическая экономия» (или «теоретическая экономика»). Как термин (понятие) «Теоретическая экономия» (theoretical economy), появился более ста лет назад. Правда, до сих пор его авторство еще не выяснено, хотя им оперировали многие выдающиеся экономисты той эпохи – К. Шмидт, Дж.Б. Кларк, К. Менгер, В.П. Воронцов, В.Я. Железнов, М.И. Туган-Барановский, позже Й.А. Шумпетер, А.В. Чаянов, Е.А. Преображенский, С.И. Солнцев, Н.А. Вознесенский, многие современные исследователи (В.А. Гордеев, Г.П. Журавлева, П.С. Лемещенко, Н.Н. Мильчанов, Ю.М. Осипов, О.В. Прыкин, П.М. Титов и другие); появились множество монографий, журналов, учебников и учебных пособий, ряд диссертационных работ под таким же названием (Теоретическая экономика, 1997); (Стожко, Шабатура, 1997); (Теоретическая экономика, 1998); (Теоретическая экономия, 2000); (Алиев, 2004); (Титов, 2011); («Теоретическая экономика», 2011-2013). Впрочем, термин «теоретическая экономия» после издания русского перевода книги К. Менгера «Основание политической экономии» в 1901 г, где он им оперировал, стал широко используемым в научной литературе, хотя без достаточной мотивировки, не только в Западной Европе, но и в России и СССР вплоть до 40-годов годов XX века. Небезынтересно, что в составе экономического отделения Казахстанского института марксизма-ленинизма (КИМЛ, 1931 г.) была секция под названием «Теоретическая экономика и теория советского хозяйства».

Под «теоретической экономией» («теоретической экономикой») в настоящее время подразумеваются:

а) теоретическая экономия, в общем и целом, есть та же политическая экономия;

б) теоретическая экономия есть совокупность общетеоретических положений и утверждений, сложившихся за весь период существования экономической науки, начиная от древней «экономики» (домохозяйства) и завершая современностью;

в) теоретическая экономия есть синтез (хотя и становящийся) «общей экономики», «социальной экономи(к)и», каталлактики (экономикса) и в этом своем качестве выступает базовой общетеоретической составляющей современной системы экономических наук.

Я стою на позиции (в), и здесь (и в других своих ранних работах) теоретическая экономия представлена мною именно в этом смысле, хотя следует отметить, что она в таком качестве органически вбирает в себя отдельные элементы из первых двух позиций (а, б).

Для наглядности приведу структуру современной системы экономических наук, где основополагающее место занимает теоретическая ее составляющая, в том числе как базовая, так и частная (Рисунок 1).

Рисунок 1. Место «теоретической экономики» в современной системе экономических наук

Как видно из рисунка, базовую теоретическую составляющую образует собственно «теоретическая экономика» (теоретическая экономия») в единстве трех общетеоретических экономических дисциплин: «общая экономика», «социальная экономия», «каталлактика» (экономикс), тогда как многие «новые» экономики – институциональная экономика (Инс.Э.), эволюционная экономика (Эв.Э.), экспериментальная экономика (Экс.Э.), транзитная экономика (Тр.Э.), информационная экономика (Инф.Э.), сравнительная экономика (Ср.Э.), поведенческая экономика (Пов.Э.), креативная экономика, нооэкономика и другие, по моему мнению, являются частнотеоретическими экономическими дисциплинами.

На вопрос, что же происходит с достославной политической экономией, отвечаю: никуда бесследно она не исчезает, она разными своими теоретическими

«прелестями» – фундаментальными положениями, гранями перевоплощается, превращается, модернизируется в одном случае – в «общую экономику» как науку об общей теории экономических систем, предметом которой выступают общеэкономические отношения (их девять), в другом случае – в «социальную экономию» как науку об общей теории собственности, предметом которой выступают социально-экономические отношения, в третьем случае – в «каталлактику» (экономикс) как науку об общей теории рыночного экономического поведения хозяйствующих субъектов, предметом которой выступают рыночные экономические отношения. Все они в предметном синтезе и образуют формирующуюся ныне «теоретическую экономию», предметом которой является система экономических отношений людей в контексте «общее – особенное – единичное».

От «теоретической экономии» постепенно «отпочковываются» частнотеоретические экономические дисциплины, как «дети от материнского лона», а «общеисторические» и «общеприкладные» экономические дисциплины, а также «конкретно-экономические» и «межпредметные» экономические дисциплины получают от нее постоянную «теоретическую подпитку», как модусы от субстанции, в одном случае; и наоборот, она сама «заряжается» от них по принципу междисциплинарного взаимодействия – в другом.

«Теоретическая экономия» современности, очевидно, призвана воссоединить, синтезировать, а в будущем синергетизирвать теоретическую составляющую не только собственно экономического как такового, но и отчасти неэкономического знания через ее предметную специфику в условиях усиливающейся другой тенденции современности – интеграции всего массива знания как такового, научного знания в частности о сущем (и где-то о должном) по принципу межзнаниевого, межнаучного и междисциплинарного взаимополагания, взаимодействия, взаимовлияния, взаимодополнения.

Возникает важный вопрос: почему именно «теоретическая экономия» (теоретическая экономика), а не «экономическая теория» выступает базовой синтетической теоретической дисциплиной?

Обоснование «теоретической экономии» в качестве базовой общетеоретической составляющей современной системы экономических наук мною строится на следующих аргументах:

во-первых, на неверном в свое время переводом самого термина «economics» на «экономическую теорию» («неверном» потому, что в английском языке есть отличное от «экономикс» – economics самостоятельное понятие «экономическая – теория» economic theory); если уж нет адекватного перевода «economics» в русском языке, то следовало бы его оставить в транслитерации русского языка – экономикс, а не вводя неверный его перевод –«экономическая теория»;

во-вторых, на расплывчатости, неопределенности, необоснованности предметного статуса самой «экономической теории» как по названию, так и по содержанию;

в-третьих, на отсутствии до сих пор какого-либо научного обоснования массовой замены «политэкономии» в качестве и дисциплины, и научной специальности, и образовательной специальности, и названия кафедры «экономической теорией»;

в-четвертых, на апелляции (аналогии) к другим системам наук, где теоретические составляющие этих наук имеют грамотно и по существу, верно, сформули-

рованные наименования, как-то: теоретическая физика (а не физическая теория) теоретическая механика (а не механическая теория), теоретическая химия (а не химическая теория), теоретическая математика, теоретическая кристаллография, теоретическая география, теоретическая лингвистика, теоретическая социология, теоретическая археология, теоретическая медицина, теоретическое естествознание и т.д. и т.п., и, соответственно, учебники, кафедры, а порой и образовательные и научные специальности;

в-пятых, на том факте, что, когда речь идет об «экономической теории», люди, имеющие какое-либо серьезное отношение к науке, предполагают ту или иную отдельную, частную экономическую теорию, а не всю научную дисциплину и, тем более, науку в целом;

в-шестых, на факте наличия и функционирования в свое время «теоретической экономики» в Республике Казахстан (начиная с 1993 г. по рекомендации автора этой главы) и Российской Федерации (начиная с 1994 г.) в течение 6-7 лет (до 2001 г.) в качестве названия образовательной специальности вместо прежней «политической экономии», позже «экономической теории» которое фигурировало в «Перечне специальностей вузов» этих государств;

в-седьмых, на реальной практике преподавания «теоретической экономики» в ряде вузов Казахстана начиная с 1992 г по разработанной автором и изданной Министерством образования Республики Казахстан типовой учебной программы по данной дисциплине (Алиев, 1996).

Итак, сформулирую главный вывод: вывод о необоснованности термина «экономическая теория» в различных статусах его использования: в качестве терминологического обозначения (наименования) науки, научной и учебной дисциплины, научной и образовательной специальности и кафедр. Он применим только и только относительно к определенным, отдельным, частным экономическим теориям, синтез которых и составляет «теоретическую экономию» как целостность. Отсюда логически вытекает другой немаловажный вывод: вывод о необходимости и оправданности придания «теоретической экономии» статуса и научной, и учебной дисциплины; и образовательной, и научной специальности; названия кафедр, одновременно заменив ею вездесущую «экономическую теорию».

Рассмотрение и принятие «теоретической экономии» в вышеуказанных статусах дают возможность упорядочить вопрос и о том, что должны изучать студенты в области теории экономики. Здесь предлагаю следующий подход («рецепт»). Будущим экономистам-теоретикам (по бывшей специальности «Политэкономия», позже по специальности «Теоретическая экономика», в последнее время по «Экономической теории» согласно «Классификатору» образовательных специальностей) следует дать весь теоретический блок (как общий, так и частный) в наиболее развернутом виде для экономических специальностей широкого профиля – теоретическую экономию в нерасчлененном виде, т.е. в единстве общей экономики, социальной экономии, каталлактики (экономикс), а для неэкономических специальностей достаточно лишь одной «общей экономики». Такая дифференциация учебного курса «Теоретическая экономия» по трем уровням – базовому (для неэкономистов), продвинутому (для экономистов широкого профиля) и специализированному (для экономистов-теоретиков) предполагает разработку и использование соответствующего учебно-методического комплекса со всеми его атрибутами и требованиями. Подытожу основные положения параграфа.

1. Наша наука, ее теоретический компонент в настоящее время переживают своеобразный системный кризис объективного и субъективного характера, который проявляется в самых различных формах.

2. Некоторые теоретико-экономические научные сообщества и отдельные его представители, реагируя на сложившееся неопределенное состояние в своем «хозяйстве», пытаются разработать новую, хотя труднореализуемую, но весьма перспективную, теоретическую парадигму предмета своей науки, основанной на синтезе различных теоретических «конструкций» (направлений, школ) и прежде всего марксистской политической экономии с ее «трудостоимостной» концепцией и экономикс с его «полезностной» концепцией[6].

3. В современной системе экономических наук особое место занимает теоретический ее блок, состоящий из двух компонентов: базового – собственно теоретической экономии, синтезирующей в себе три общетеоретические экономические дисциплины – «общую экономику», «социальную экономию» (политическую экономию), «каталлактику» (экономикс), и вспомогательного, вернее, «производного» – частнотеоретических научных (и учебных) дисциплин.

4. В силу несоответствия «экономической теории» как по наименованию, так и по предметной неопределенности требованиям и принципам общей дисциплинарной модели науки необходимо ее заменить «теоретической экономией» в качестве научной и образовательной специальности, научной и учебной дисциплины, а также названия кафедр.

5. Процесс преподавания «теоретической экономии» следует дифференцировать в зависимости от характера специальностей обучающихся: в одном случае – будущим экономистам-теоретикам (бывшим политэкономам), в другом – экономистам широкого профиля, в третьем – неэкономистам, предварительно разработав учебные программы на этих трех уровнях и написав по ним учебники и учебные пособия, что требует консолидации знаний и сил многих национальных, региональных и локальных теоретико-экономических научных и образовательных сообществ. Думаю, наступает новая эпоха интеграции и синергетизации деятельности всего теоретико-экономического научного сообщества современности.

Да, будет так!

ЛИТЕРАТУРА

Алиев У.Ж. Типовая учебная программа курса «Теоретическая экономика» для высших учебных заведений. Алматы: РИК МО РК, 1996. – 32 с.

Алиев У.Ж. Предмет и структура теоретической экономики. Дисс. на соискание ученой степени доктора экономических наук. Алматы, 2004. – 396 с.

Алиев У.Ж. Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель. Алматы: НИЦ «ҒҒылым», 2001, 2004 (переиздание).

[6] К сторонникам возможности подобного синтеза относятся Бем-Баверк Е., Бернштейн Э., Вагнер А., Дмитриев В.К., Маршалл А., Туган-Барановский М.И., Железнов В.Я. и многие современные исследователи, хотя и есть противники такого синтеза. Но если учесть, что, как правило, сколь-нибудь серьезные открытия осуществляются на стыке различных (даже разнородных) наук, то синтез различных теорий внутри однородной (в данном случае, экономической) науки считаю еще более возможным. Такова генеральная тенденция развития научных теорий современности и будущего.

Алиев У.Ж. Предмет и метод теоретической экономии (основы предметоведения). Астана: Изд. университет «ТуранАстана», 2012.

Аристотель. Никомахова этика. Политика. Сочинения: В 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. – 830 с.

Кетле Л.А. Социальная система и законы, ею управляющие. СПб.: Поляков и К, 1866. – 315 с.

Стожко К.П., Шабатура Л.Н. Теоретическая экономика. Учебное пособие. Екатеринбург: Изд. Урал. гос. проф.-пед ун-та, 1997. – 596 с.

Теоретическая экономика. Политэкономия. Учебник / Под ред. Г.П. Журавлевой и Н.Н. Мильчановой. М.: ЮНИТИ, 1997. – 485 с.

Теоретическая экономика. Учебное пособие / Под ред. У.К. Шеденова. Алматы–Актюбинск, 1998. – 397 с.

«Теоретическая экономика». Научный электронный экономический журнал. ЯРГТУ, 2011-2013.

Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и миротворчество / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: Эконом. факультет МГУ; ТЕИС, 2000. – 319 с.

Титов П.М. Общая теоретическая экономика. М.: Изд. «Калан», 2011. – 254 с.

Шубладзе Г. К вопросу о терминологическом обозначении экономической теории // Общество и экономика. № 8. 2000. С. 186-191.

Информация об авторе

Алиев Урак Жолмурзаевич – доктор экономических наук, вице-президент Образовательной корпорации «Туран», Астана, Казахстан.

(E-mail: aliyevu@mail.ru)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Urak Z. Aliyev – Doctor of Economics, Vice President of the Educational Corporation "Turan", Astana, Kazakhstan.

(E-mail: aliyevu@mail.ru)

The author declares no conflicts of interests.